

Утро следующего дня было еще более суматошным, чем 1 сентября, что казалось невероятным, ведь половина дома еще спала. На дворе стояла ранняя зоря, предвестник нового дня, а им нужно было выходить к пяти часам, чтобы успеть на портключ. Каждые две минуты кто-то, казалось, что-то забывал, и обитатели дома метались по комнатам, то и дело сбегаая вниз. После сытного завтрака они наконец-то отправились к месту передачи ключей. В путь отправились только дети, не достигшие совершеннолетия, - Билл, Чарли и Перси остались дома, — поэтому Гарри, Рон и Гермиона выдвинулись в одиночестве. По прибытии их встретила семья Диггори. Судя по всему, путешествовать предстояло всем вместе. Уставшие, но приветливые, они обменялись дружескими приветствиями, а мистер Уизли продемонстрировал им портключ — старую, потемневшую металлическую чашу. Когда Седрик протянул руку к чаше, Гарри охватило неприятное предчувствие, и он схватил его за запястье. Седрик удивленно посмотрел на него. — Ммм... Седрик... У тебя когда-нибудь был... неприятный опыт общения с портключами? — сдавленно проговорил Гарри, сам не понимая, что делает. Седрик поднял бровь. — Что ты имеешь в виду? Ну, первый раз я прокатился на портключе, когда мне было шесть лет, и после этого меня тошнило. Но с тех пор я привык. А для тебя это впервые, Гарри? — Э-э-э... Нет... то есть да. Просто... мне показалось, что пользоваться портключом вредно для твоего здоровья, Седрик, — ответил Гарри, испытывая дежавю. Седрик, портключи и победа... они не сочетались. Что же они здесь выигрывают? Возможно, ему нужно было беспокоиться о другом портключе. Отец Седрика, Амос, рассмеялся. — О, не волнуйся, мой мальчик. Портключи совершенно безопасны. Уж точно безопаснее любой маггловской штуковины, в которой ты когда-либо ездил, не так ли, Артур? Мистер Уизли кивнул. — Верно. Ощущения немного странные, но больно не будет. А теперь поторопись, через тридцать секунд ты должен быть у портключа. Гарри отпустил запястье Седрика и положил руку на чашу. Седрик сделал то же самое. — Пять... четыре... три... два... один... Их словно вихрем закружило, и они помчались в сторону кемпинга Кубка мира. По прибытии Гарри упал, сбив с ног Гермиону и Рона. Близнецы рассмеялись, когда мистер Уизли помог им подняться. — Так вот почему ты так волновался из-за портключа, Гарри? Конечно, ты не боишься ушиба или двух синяков? Только в квиддиче ты получал гораздо более серьезные травмы, — сказал ему Седрик. — Ммм... нет, это не... ну, неважно, — пробормотал Гарри. Седрик усмехнулся и хлопнул его по спине. — Не стоит смущаться, Гарри. Нужно несколько попыток, чтобы по-настоящему привыкнуть к этому. — Ну, наш кемпинг в той стороне, Амос, — сказал мистер Уизли. — Увидимся! Они помахали Диггорам на прощание и разошлись. Пока они шли по территории, Гермиона наклонилась к Гарри и прошептала: — Что это было, Гарри? Он прошептал в ответ: — Не знаю, но это было ужасное чувство... Я думал, что Седрик умрет, если прикоснется к портключу. Может быть, я ошибался... — Наверное, это было одно из твоих воспоминаний о других путешествиях. Может быть, это был другой портключ, к которому ты должен был не дать ему прикоснуться. Гарри кивнул. Это было нечто большее, чем инстинкт, это было что-то, что он испытал, но забыл. — Нам стоит потренироваться в окклюменции сегодня вечером. Может быть, я смогу узнать больше деталей, если помедитирую над ними. В сущности, делать было нечего. Большинство мальчиков Уизли, кроме Перси, провели большую часть дня, играя в квиддич с соседними отдыхающими. Вокруг летало так много людей на метлах, что Гермиона не могла практиковаться в полетах, чтобы не врезаться в кого-нибудь. Гарри провел день, бродя по территории кемпинга вместе с Джинни и Гермионой. Здесь было много торговцев, продающих случайные безделушки, и карнавальных ларьков, где можно было быстро заработать галлеон, но ничего, что могло бы их заинтересовать. К середине дня они отправились практиковаться в Окклюменции. Джинни оставила их, чтобы помогать отцу по хозяйству. Через некоторое время Рон вернулся с игры и увидел, что они вдвоем сидят в гостиной палатки. — Эй, что вы делаете, приятель? — спросил он. — Мы практикуем Окклюменцию, — ответила Гермиона. — Что это такое? — недоуменно спросил Рон. — Это способ организовать свой разум, — сказал Гарри. — Это довольно полезно. Тебе стоит попробовать. — Ты уверена? Это выглядит скучновато... — пробормотал Рон. — Рон, ты думаешь,

что все, что не квиддич, скучно, — сказала Гермиона. — Просто попробуй, Рон. С ним и в школе намного легче учиться, — сказал Гарри. — ...Ладно, хорошо. Как мне это сделать? — сдался Рон, садясь рядом с ними. — Ну, сначала закрой глаза и представь себе место, которое поможет тебе успокоиться, может быть, какое-то место, которое ты хорошо знаешь и в котором тебе комфортно, — сказала Гермиона. В течение следующих нескольких минут Рон скорчил несколько гримас, но в конце концов успокоился и лишь слегка ухмыльнулся. — Какое место ты выбрал, Рон? — спросила Гермиона. Его ухмылка стала еще шире. — Поле для квиддича. И все болеют за меня. Гермиона раздраженно вздохнула. — Рон, место, которое ты представляешь, не должно вызывать у тебя приятных ощущений, оно должно вызывать у тебя полное отсутствие чувств! Попробуй еще раз! — Это трудно! Что за места ты используешь? — жаловался Рон. — Пустое небо, над облаками. Надо мной все голубое, а внизу — бесконечные облака, — ответил Гарри. — Под водой, глубоко под поверхностью, — сказала Гермиона. — Подождите, так вы, ребята, сидели здесь и практически ни о чем не думали? — недоверчиво спросил Рон. — Ну, да. По крайней мере, так было в начале, — ответил Гарри. — Это даже хуже, чем готовиться к экзаменам, — сказал Рон. — Мы на чемпионате мира! Я выйду наружу, чтобы немного развлечься. Рон встал и вышел из палатки, бормоча про себя. — Это его упущение, — сказал Гарри, пожимая плечами. — Что ты хотела попробовать дальше? — Я хотела начать обучение Анимэгусу, Гарри. — Гермиона усмехнулась. — Я еще несколько раз перечитала записки Сириуса, и мне кажется, что они пересекаются с упражнениями по Окклюменции. — Правда? И как мы начнем? — Ну, ключ к поиску своего внутреннего животного — это обращение к своим самым базовым, первобытным эмоциям. Ты должен сосредоточиться на мыслях, которые вызывают у тебя невероятное счастье, грусть, злость, страх и так далее. Гарри выслушал и начал думать. У него уже была практика находить мысли, которые делали его счастливым, и он использовал их для заклинания Патронуса. Получение письма из Хогвартса и осознание того, что он волшебник. Узнать, что Сириус был его крестным отцом. В памяти вспыхнули яркие мгновения: первый пойманный снитч в квиддиче, ликующее сердце, сладкий вкус победы. Страх тоже был знаком — ледяной ужас дементоров, крики матери, отчаянно пытающейся защитить его. Но с злостью все было сложнее. Бывало ли у него настоящее, всепоглощающее чувство ярости? Дурсли, конечно, вызывали раздражение, но он привык к их равнодушию, к их постоянному пренебрежению. Десять лет, проведенные в их доме, сформировали его восприятие мира, притупив остроту эмоций. Он знал, как сильно Гермиона злилась, узнав о том, как с ним обращались, но он не мог разделить ее гнев. Драко Малфой, вечно насмехавшийся в школе, скорее раздражал, чем вызывал настоящую злость. Пришлось бы хорошенько покопаться в памяти, чтобы найти что-то, способное пробудить в нем первобытные чувства, настоящую ярость. Они продолжали медитировать, погруженные в себя, пока не раздался зов к ужину. Все вернулись в палатку, возбужденные предстоящим матчем. Спортивные стратегии, предстоящие игры, все это бурлило в воздухе, наполняя палатку оживленной беседой. Гермиона, однако, не была в восторге, узнав, что близнецы Уизли поставили на исход матча. Их доводы, что пари заключено с самим Людо Бэгменом, директором по магическим играм и спорту, не убедили ее. Дискуссии и споры продолжались до самой ночи, пока, наконец, все не заснуло, с нетерпением ожидая начала игры, назначенной на полдень.